

MEMORIA

ТРИ СТОЛЕТИЯ ЖИЗНИ

21 ноября 1694 года родился Вольтер.

Кн. обозрение. — 1994. — 22 нояб. — с. 13.

На склоне лет обозревая написанное — а оно составило в полном собрании сочинений семьдесят томов, — Вольтер, говорят, воскликнул: «С таким багажом до потомков не дойти!» Да и багаж был пестрым: философия не оригинальна — с Кантом не сравнишь, а художественные творения, довольно рациональные, шансов долго жить не имели. Во всяком случае, в России в поле зрения широкого, и то не чересчур, читателя уцелели разве что некоторые философские повести. Опять же с Шекспиром не равняем. Тем не менее, во влиянии на потомство, по присутствию в его памяти, Вольтер не уступит никому. Слово «вольтерьянство» просто вошло в русский язык и более века обозначало всякое вообще свободомыслие. Да и в наши дни, когда, казалось бы, философия Просвещения, признанным лидером которой он был, да и самая надежда на торжество разума снова, с еще большим пылом, чем в пору романтизма, отвергаются, фигура Вольтера сохраняет власть над умами.

Я гляжу на скептическую улыбку, изображенную Пушкиным, для которого Вольтер в юности был первым поэтом, или на эрмитажного Гудона, и досаду, что на моей памяти в моей стране подобного человека не было. Вольтер пленяет не мудростью или художеством, как Шекспир или Кант, а самим своим примером, самым своим страстным участием в жизни. И дело не только в том, что он был гений, — гениями человечество легко пренебрегает, и Вольтер тоже знал тюрьму, и горечь эмиграции, в которой протекла большая часть жизни, и книги его сжигали, и даже отказали ему в праве быть погребенным — пришлось хоронить тайком. Но его пример драгоценен потому, что преодоление феодального порядка — не личное дело. Он помог его осилить родной Франции, а потом то же самое начали другие народы, и опыт Вольтера обнажал проблемы, с которыми в девятнадцатом и двадцатом веках приходилось и еще приходится иметь дело.

Вот, казалось бы, такой наш самобытный вроде бы вопрос — Россия и Запад. Сколько сказано слов, как поныне поносят западников! А Вольтер ведь и был их первым защитником. Только Запад тогда был крохотным, и его еще не называли Западом. Это была Англия, где Вольтеру пришлось скрываться от преследований, да еще Голландия, где он тоже побывал. В Англии он написал книгу, вышедшую сперва в английском переводе под названием «Письма об английском народе» и лишь потом в оригинале как «Философские письма об Англии». Вот ее-то и сожгли на родине. Вольтер противопоставлял Англию родине: в Англии не одна, а множество религий, и государство уже не абсолютистское, и английский крестьянин живет лучше французского, и свободы больше, — как он потом писал: «В Англии никто ни у кого не спрашивает позволения думать». И хоть не все, конечно, ему в Англии было по вкусу, Вольтер хотел для своей страны подобного порядка, потому что он свою страну любил и желал счастья своему народу.

Конечно, Франция уже давно сама стала Западом. Но можно ли не вспомнить Вольтера, наблюдая, как в других странах — и у нас, и в Иране, и в Китае — вся эта история повторяется, а нас уверяют, что западное нам чуждо?

Или, опять же, борьба за права человека? Разве не Вольтер, именно ради перехода к другому общественному порядку, был ее инициатором? И ведь его дело не ограничилось посмертной реабилитацией Каласа или спасением Сирвеннов. Он обнажил неправоудный характер прежнего уголовного процесса и тем вынудил его изменить. Само появление во Франции правосудия — в большой мере заслуга Вольтера. Он объяснил его как необходимость, и общество услышало. У наших правозащитников удачи лишь частные. Порой даже закон меняют, а практика остается прежней. Конституция не допускает преследования за разглашение наперед не указанной государственной тайны, а суд над Вилом Мирзояновым тянулся долго, и властям в голову не шло, что их нетерпимость демонстрирует чисто декоративную природу нашей очередной самой демократической, разумеется, Конституции. А Вольтер бы ткнул им это в нос, показал бы незаконность наших законов, не только сталинских, но и новейших. Но нет у нас Вольтера.

Когда я был студентом МГУ, нам объясняли, что Вольтер, при всех своих заслугах предшественника революции, до подлинно научного понимания истории не дошел, и был полон противоречий. Действительно, он часто говорил вещи, кажущиеся несовместимыми. Именно Вольтер — и в исторических работах, среди которых «История Петра Великого» и «История Карла XII», и в общей форме — показал, что история — не случайное стечение событий, а некий взаимообусловленный процесс. Он с особой настойчивостью говорил об историческом прогрессе, в который после происходившего в нашем веке в России, в Германии или ныне в Боснии трудно верить. И он же одновременно написал «Кандида» и высмеял там философа Панглосса, подобно своему прототипу, готового при любом несчастье уверять, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Можно, конечно, сказать, что гениальный мыслитель щедро разбрасывал, но плохо связывал свои мысли. Однако лучше бы понять, что за дерзкими мыслями стоят реальные свойства жизни, которые не стоит абсолютизировать.

Двадцатый век не раз демонстрировал крушение разума, и люди отчаивались. А ведь разум терпел поражение там, где его абсолютизировали, где, увлекшись мыслью, в чем-то даже и верной, не хотели терпеть рядом никаких других мыслей, а главное, не видели, где полюбившаяся мысль перестает сопрягаться с реальностью. В сущности, разум проигрывал от недостатка разума. Прогресс пропадал от того, что, как выяснилось, зная прогресса может схватить самая оголтелая реакция. Не зря Вольтер постоянно призывал к терпимости, и не зря его скепсис ставил под сомнение даже и его собственные идеи. Он ратовал за разум действенный, недремлющий, а не однажды утвержденный и догматизированный раз и навсегда. Это-то и вызывало наибольшую ненависть. Он не давал окончательных ответов на естественно возникавшие вопросы.

Отсюда и споры с церковью, стоящей на страже властей (ныне, пожалуй, больше всего) и настраивающей людей против него. Что говорить, «Раздавите га-

дину!» — сказано недвусмысленно. Но ведь в то же время говорилось: «Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать!». Вольтер спорил не столько о Боге, не столько о делах небесных, сколько о земном учреждении, сеющем нетерпимость. И вообще-то говоря, стоит задуматься, кто в этом споре был более христианином. В Ветхом Завете, который гонители Вольтера признавали боговдохновенным, прямо сказано: «Все произошло из праха и все возвратится в прах. Кто знает, дух сынов человеческих восходит ли вверх?». Понятно, христианство, живущее верой в вечную жизнь души, уверовавшей в Христа, не принимает эти положения за истину, но они уцелели в Священном писании, поскольку сомнение — неперемный момент познания, даже и божественного познания. Запрещая сомнения, вы требуете от людей слепоты, а если главное в том, чтобы люди были слепы, то нет и различия между верой в Иисуса с его гуманной проповедью, и верой в колдуна, в шамана, в Кашпировского, в Жириновского, в Мавродина.

Не то чтобы Вольтер был вовсе свободен от подобных соблазнов. Надежда на социальные перемены связывалась у него с просвещенным абсолютизмом. Почти как советник нашего президента Андраник Мигранян, Вольтер верил, что диктаторская власть способна сделать общество лучше, чем оно в наличных условиях может быть. Но, в отличие от нынешних сторонников доброй диктатуры, Вольтер держал глаза открытыми, а совесть ранимой, и потому быстро разочаровывался во всех конкретных монархах, на которых сперва возлагал надежды, — и в Людовике XV, и во Фридрихе II, и, уже в конце жизни, в Людовике XVI, у которого разумный министр финансов не мог совладать с интересами правящего класса и вынужден был уйти, что отчасти и ускорило революцию, и уже после смерти Вольтера королем с женой пришлось взойти на эшафот. Монархи, вопреки ожиданиям Вольтера, преодолеть себя не могли, отчего и погибли. И он силится объяснить им это наперед.

Быть может, гениальность Вольтера больше всего и проявилась в способности глядеть в лицо жизни и сражаться за нее, когда требовалось. Вольтер понимал, что жизнь предполагает ежедневное столкновение с неведомым, что наши знания недостаточны. Он понимал, что жить, сознавая это, не каждому под силу, и легче свалить решение своей судьбы на других, кому-то довериться. Ощущение того, что «стихия бьет о берег свой», потом с особой силой запечатлел наш великий Тютчев, вымолвивший: «И мы плывем, пылающею бездной со всех сторон окружены». У Вольтера, боюсь, нет столь гениальных стихов, но способностью плыть над «пылающею бездной» он обладал как, может быть, никто в мире.

И сколько бы ни находилось у нас возражений тем или иным суждениям Вольтера, и пусть нас не увлекает его поэзия или драматургия, его пример, пример человека, родившегося триста лет назад и ощущавшего то, что терзает нас поныне, для разумного человека, столкнувшегося с неукротимой стихией, не стирается, не пропадает.

Поэль КАРП.